

Когда Лю Цинье немного восстановил силы, они двинулись дальше. Избалованному сыну знатного рода этот путь давался тяжело: мало того, что ноги были стерты в кровь, так еще и шелковые одежды в нескольких местах безнадежно порвались об острые выступы скал. Вид у него был жалкий, но Лю Цинье изо всех сил старался не показывать слабости перед Чоу Муи. Он молча терпел боль и тщательно прикрывал прорехи на рукавах.

Чоу Муи, несмотря на свою наблюдательность, был слишком сосредоточен на дороге. Поиски и спасение Лю Цинье отняли немало душевных сил, а сам проход оказался куда коварнее, чем виделось вначале. Стены здесь сочились влагой и поросли скользким мхом. После того как Лю Цинье в первый раз едва не расшиб лоб, Чоу Муи без лишних слов подхватил его под руку.

Лю Цинье попытался было протестовать, но Чоу Муи ответил коротким и не терпящим возражений тоном:

— Возражения не принимаются.

Юноше ничего не оставалось, кроме как смириться. В узком проходе воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким падением капель воды да их собственным дыханием. Глядя в спину идущему впереди Чоу Муи, Лю Цинье вдруг почувствовал, будто их сердца забились в едином ритме. От этой неожиданной мысли ему стало не по себе. Даже обладая недюжинным умом, который уже начинал проявляться в столь юные годы, Лю Цинье не смел заглядывать глубже в свои чувства. Он интуитивно понимал: стоит лишь разогнать этот туман, и вся его жизнь может бесповоротно измениться. Повинуясь странному порыву, он запрятал эти мысли на самое дно души, словно семена в почву, ожидая часа, когда они дадут всходы.

Впереди забрезжил слабый свет. В глазах, привыкших к густой тьме, возникла резь. Чоу Муи погасил факел и, обернувшись к спутнику, негромко произнес:

— Закрой глаза. Если долго идти в темноте, яркий свет может ослепить. Привыкай к солнцу постепенно.

Они стояли слишком близко. Лю Цинье как раз наклонился, чтобы лучше расслышать слова, и губы Чоу Муи случайно коснулись его лба. Тот мгновенно отпрянул. Лю Цинье тоже зажмурился, так и не заметив, как лицо Чоу Муи залил редкий для него густой румянец. Даже в прошлой жизни Чоу был сиротой и никого никогда не целовал. На миг его охватило небывалое смущение.

Лю Цинье почувствовал мимолетное касание, и ему захотелось открыть глаза, но резкий свет заставил его снова зажмуриться от боли. Наступило неловкое молчание. Спустя некоторое время, когда зрение адаптировалось, Чоу Муи увидел, что до выхода осталось совсем немного. За порогом пещеры их ждал город. Голос Чоу, когда он велел Лю Цинье открывать глаза, звучал так же ровно и бесстрастно, как обычно. Он убедил себя, что это была чистая случайность — просто они стояли слишком тесно. В конце концов, это был всего лишь лоб, а не губы. В современном мире это и вовсе сочли бы обычным вежливым жестом. «Не стоит вести себя как кисейная барышня», — решил он, и в итоге так успешно выкинул этот случай из

головы, что спустя много лет Лю Цинье еще долго будет над ним подтрунивать.

Они вышли наружу и жадно вдохнули свежий воздух. Мир за пределами подземелья казался прекрасным как никогда. Спустившись со склона, они вскоре оказались у северо-западной окраины городка Шочэн.

У Западных ворот им пришлось остановиться. Лю Цинье нужно было возвращаться в поместье Лю, где его ждала неминуемая буря, а Чоу Муи собирался закупиться провизией и вернуться на гору — после ночного отсутствия там наверняка накопились дела.

Лю Цинье посмотрел на друга. Его улыбка, обычно лукавая и насмешливая, сейчас была необычайно мягкой.

— Чоу Муи, спасибо, что спас меня. Путь домой и твоя дорога на гору лежат в разных сторонах, так что здесь мы и простимся. Живи спокойно на своей вершине и, прошу тебя, не пытайся разузнать о делах моей семьи. Не лезь в это болото. Мачеха сумела обвести вокруг пальца и отца, и бабушку, у нее наверняка припрятан козырь в рукаве. Ты и так сделал для меня слишком много. Достаточно.

Лю Цинье заставил себя подавить внезапно возникшую тоску и отвел взгляд.

— Ты мой друг, я это уже решил. Как только все уляжется, я пришлю человека известить тебя. Тогда ты сможешь навещать меня чаще. Со мной ничего не случится, не волнуйся.

Чоу Муи молча выслушал его и едва заметно, редко для себя, улыбнулся.

— Когда это ты стал таким болтливым? Я верю тебе. Просто потому, что ты мой друг.

Кивнув на прощание, Чоу Муи вошел в город и направился к лавкам.

Лю Цинье улыбнулся ему вслед. На его еще по-детски округлом лице отразилась будущая статья, которую не могли скрыть ни грязь, ни лохмотья. Развернувшись, он решительно направился к поместью Лю. Там была его личная битва.

Он постучал в боковую дверь. Когда слуга увидел измученного и грязного молодого господина, он едва не лишился чувств от страха.

— Молодой господин! Вы вернулись! — запричитал слуга, пропуская его внутрь. — Хозяин и старая госпожа всю ночь глаз не смыкали!

Второй слуга уже во весь дух мчался докладывать господину Лю и почтенной старой госпоже. Лю Цинье сохранял полное спокойствие. Пока слуги суетились вокруг, он неспешно шел к

главному залу. Не успел он дойти, как навстречу ему поспешил отец, бережно поддерживающий под руку взволнованную старушку.

Лю Цинье ускорился. В этой семье его любили двое: бабушка и отец. Если бы не их безграничная забота, Вторая тетушка давно бы извела его, не дав дожить и до одиннадцати лет. Отец растил его в строгости, готовя к будущему, и Лю Цинье помнил каждое его наставление. Он точно знал, кто в этом доме желает ему добра, а кто — погибели.

Старая госпожа притянула внука к себе, ощупывая его и оглядывая с ног до головы. Увидев его плачевное состояние, она вспыхнула от ярости.

— Мой бедный мальчик! Кто посмел так обойтись с тобой? — голос старухи дрожал от гнева. — Только дайте мне узнать, кто это сделал, я живой с нее не слезу! Не бойся, Цинье, бабушка рядом. Я еще не в могиле, чтобы позволять всякой швали терзать моего внука! Решили, видно, всё поместье Лю к рукам прибрать, пока я дышу?

Господин Лю, привыкший играть роль сурового родителя, не выказывал чувств так открыто, но по его окаменевшему лицу было ясно: виновным пощады не будет.

Дождавшись, пока бабушка немного успокоится, Лю Цинье заговорил:

— Меня похитили трое. К счастью, мой новый друг заметил неладное. Он не знал, где находится наше поместье, и боялся, что властям будет не до него, поэтому сам выследил похитителей до леса у Шочэна. Дождавшись, когда они уснут, он опоил их сонным зельем и спас меня. Троица сейчас связана и брошена в лесу. Если отправить туда стражу, мы во всём разберемся.

Господин Лю с гордостью посмотрел на сына и скупой похвалил его:

— Хорошо. Ты поступил как истинный сын Лю Шии, не посрамил наш род. А твой друг — человек редкой души. Рисковать собой ради едва знакомого попутчика... Наша семья в долгу перед ним, мы должны отплатить за его доброту.

Старая госпожа мыслила глубже:

— Как зовут этого юношу? Обязательно приведи его к нам, я хочу лично поблагодарить спасителя. А с делами домашними пора кончать, я больше не намерена дрожать за твою жизнь. Шии, немедленно пошли людей в управу. Пусть схватят этих разбойников и допросят с пристрастием. Небо на землю не упадет. Хватит миндальничать с этой змеей. Только из уважения к моему покойному брату мы терпели её в доме, но теперь — довольно! Цинье мой единственный наследник, и она зашла слишком далеко.

Лю Цинье оглядел себя.

— Бабушка, отец, позвольте мне сначала омыться и переодеться, а потом я всё расскажу. Вид у меня, прямо скажем, неподобающий. Прошу вас, вернитесь в зал, бабушке вредно так волноваться. Это моя вина.

Старая госпожа велела слугам греть воду. Лю Цинье отослал служанок и, погрузившись в горячую ванну, позволил мыслям течь свободно. Дело Второй тетушки было практически решено — в конце концов, она была лишь наложницей. Отец не трогал её раньше по двум причинам: она была племянницей старой госпожи, и оставалось неясным, какими правдами и неправдами она когда-то заманила отца в свою постель. То, как ловко эта женщина плела интриги в чужом ей доме, беспокоило отца и бабушку больше всего.

Вновь вспомнился Чоу Муи. В груди опять защемило, но Лю Цинье не успел сосредоточиться на этом чувстве — пришла служанка.

Он подробно рассказал родным о Чоу Муи. Господин Лю и старая госпожа не переставали удивляться: в таком юном возрасте проявить подобную рассудительность и решимость! Помочь человеку, которого видел лишь раз... Такое благородство свидетельствовало о великом будущем. Бабушка велела Лю Цинье навещать друга на горе и ни в чем ему не отказывать: спасение наследника рода Лю — неоплатный долг.

Лю Цинье с улыбкой соглашался. Он представил, с каким лицом Чоу Муи выслушал бы эти дифирамбы. Наверняка бы просто выдал свое коронное бесстрастное: «Пустое, не стоит благодарности». Его забавляло, что только он один знал этот секрет своего сурового друга — его непроницаемую «каменную маску», за которой скрывалось золотое сердце.

Вскоре прибежала взволнованная горничная Цюцзюй. Она нашептала, что Вторую тетушку по приказу хозяина заперли в её Дворике Аромата Лотоса. Лю Цинье понял: стража уже в пути. Интриганке пришел конец.

Было ли это удачей или бедой — кто знает? Он отделался лишь легким испугом, зато избавился от постоянной угрозы. Лю Цинье подозревал, что за спиной наложницы стоял его второй дядя, сын другой наложницы деда. Их целью, несомненно, было наследство, но без прямых улик обвинять его было нельзя. Оставалось надеяться, что ниточки от похитителей приведут и к нему. Кончить дело одним ударом всегда лучше, чем затягивать его до бесконечности.